

18+

ИЗНАНКА ИМПЕРИИ
КНИГА ПЕРВАЯ

ИВАНОВО

ТРИНАДЦАТАЯ НЕВЕСТА

СЕВЕРИН ЛАДОЖСКИЙ

Северин Ладожский Иваново. Тринадцатая невеста

<https://litres.ru/74401769>

ISBN 9785007113663

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Перед Императорской ярмаркой невест с ивановской мануфактуры бесследно исчезают двенадцать ткачих. Ночью пустые станки выводят их лица на красном полотне, а тринадцатым появляется лицо Варвары Чернецовой — женщины, способной слышать память вещей. Вместе со страховым следователем Алексеем Ратниковым она спускается в изнанку фабрики, где древнее чудовище может оказаться единственным защитником пропавших.

Содержание

ИВАНОВО. Тринадцатая невеста	5
ИВАНОВО. ТРИНАДЦАТАЯ НЕВЕСТА	6
Содержание	7
Глава 1. Письмо в подкладке	9
Глава 2. Двенадцать пустых станков	12
Глава 3. Инженер против нечисти	16
Глава 4. Чайная «Тёплый угол»	19
Глава 5. Запертая смена	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Иваново. Тринадцатая невеста

Северин Ладожский

© Северин Ладожский, 2026

ISBN 978-5-0071-1366-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ИВАНОВО. Тринадцатая невеста
Изнанка Империи · книга первая
СЕВЕРИН ЛАДОЖСКИЙ

ИВАНОВО. ТРИНАДЦАТАЯ НЕВЕСТА

Мистический детектив · альтернативная Российская
империя

Северин Ладожский

Первая редакция · 2026

Содержание

- Глава 1. Письмо в подкладке
- Глава 2. Двенадцать пустых станков
- Глава 3. Инженер против нечисти
- Глава 4. Чайная «Тёплый угол»
- Глава 5. Запертая смена
- Глава 6. Хозяйка серебряной трости
- Глава 7. Узор против солнца
- Глава 8. Насосная у реки
- Глава 9. Торговец святыми лицами
- Глава 10. Цена памяти
- Глава 11. Красная бухгалтерия
- Глава 12. Документы, которых не было
- Глава 13. Комната без времени
- Глава 14. Ярмарка невест
- Глава 15. Два ключа
- Глава 16. Те, кого забыли
- Глава 17. Красильный круг
- Глава 18. Внутри полотна
- Глава 19. Третья рама
- Глава 20. Сорок одно имя
- Глава 21. Разрыв основы
- Глава 22. Утро после ярмарки
- Глава 23. Страховое общество боится

Глава 24. Мать и дочь

Глава 25. Памятное полотно

Глава 26. Поцелуй без свидетелей

Глава 27. Мастерская

Глава 28. Два билета

Глава 1. Письмо в подкладке

Ткань никогда не лгала. Лгали люди, которые просили Варвару Чернецову к ней прикоснуться.

В тот августовский вечер на столе её мастерской лежало вдовье платье: чёрный шёлк, высокий ворот, ряд крошечных пуговиц и распоротая подкладка. За окном моросило. Капли стекали по вывеске «Починка и восстановление дамского платья», превращая последние буквы в тёмные потёки.

— Муж умер в мае, — сказала заказчица, сухая дама с лицом человека, который привык отдавать распоряжения шёпотом. — Я хочу надеть его на годовщину.

Варвара провела пальцем по шву. От ткани пришёл не образ, а ощущение: сладость дешёвых духов, теснота экипажа, горячая ладонь на запястье и смех, который хозяйка платья старательно забыла.

— Подкладку меняли два года назад, — сказала Варвара. Дама вздрогнула.

— Какая разница?

— Никакой. Если вам нужна только починка.

Варвара убрала руку. Вещные чудеса редко показывали события целиком. Материя удерживала давление сильного чувства, как воск — печать: страх, восторг, стыд, иногда боль. Ни имён, ни дат, ни объяснений. Именно поэтому когда-то Варвара ошиблась. Именно поэтому теперь она чини-

ла рукава и не выносила приговоров.

Заказчица оставила платье и ушла, не попрощавшись. Колокольчик над дверью ещё дрожал, когда в щель упал конверт.

На нём не было обратного адреса. Только: «Госпоже Чернецовой. Лично». Бумага пахла угольным дымом и мокрым хлопком.

Внутри лежал короткий лист.

«Милостивая государыня Варвара Сергеевна.

Вы меня не знаете, но я знаю, что вещи говорят с вами. Если это неправда — сожгите письмо и простите. Если правда — приезжайте в Иваново до Ярмарки невест. На мануфактуре Морозовой готовят полотно, в которое нас впишут живыми.

Я не могу назвать всех. Нас двенадцать.

Спросите Тасю Белову в четвёртом ткацком.

Не верьте тому, что увидите первым.

А. Б.»

Последняя строка была смазана. В подгиб конверта зашили лоскут красного ситца размером с ладонь.

Варвара не собиралась его касаться. Она закрыла мастерскую, задвинула засов, разожгла керосиновую лампу и поставила чайник. Затем десять минут ходила вокруг стола, как человек, уверенный, что разум победит, если дать ему достаточно места.

Разум проиграл.

Лоскут оказался тёплым.

Варвара увидела белые руки, скользящие по основе. Услышать стук станков она не могла — ткань не хранила звуки, — но почувствовала их ритм костями. Чужой ужас шёл не от угрозы смерти. Он был страшнее: женщина боялась проснуться и не вспомнить лица матери.

По красному полю проступил узор. Двенадцать тонких ветвей сходились к пустому овалу. Внутри овала медленно проявились глаза.

Её собственные.

Варвара отдёрнула руку. Лампа погасла, хотя фитиль оставался цел.

В темноте кто-то с другой стороны стены трижды провёл ногтем по обоям.

Утром Варвара купила билет до Иванова.

Перед уходом она достала из запертого ящика служебный знак эксперта по вещным чудесам. Носить его она не имела права уже шесть лет.

Но положила в чемодан.

Глава 2. Двенадцать пустых станков

Иваново встретило её красным кирпичом, мокрой золой и тысячами нитей, натянутых над улицами вместо праздничных флагов. На них сушились ситцевые ленты к Императорской ярмарке невест. Ветер перебирал узоры, и весь город словно шелестел во сне.

На вокзале Варвару ждала полная женщина в мужском картузе.

— Пелагея Белова. Тасе тётка, — представилась она. — Письмо от неё получили?

— Подписано «А. Б.».

— Акулина Бурова. Подружка её. Значит, всё-таки успела.

— Где они обе?

Пелагея сжала ручки корзины.

— Пропали этой ночью. И ещё десять девок.

Они шли к мануфактуре Морозовой через рабочую слободу. В окнах домов теснились лица. Над крышами возвышались трубы, из которых под дождём стлался чёрный дым. У ворот фабрики толпа молчала так сосредоточенно, будто ждала, когда здание заговорит.

— Цех был заперт изнутри, — сказала Пелагея. — Ноч-

ной сторож клянётся: никто не вышел. Утром дверь ломали жандармы.

Внутри четвёртого ткацкого ряда стояли двенадцать пустых станков. На скамьях остались гребни, платки, кружка с засохшим чаем. На одном станке висела половина рукава. работница, должно быть, зацепилась и ушла без кофты.

Все машины молчали, кроме последней.

Она двигалась без ремня. Челнок ходил взад и вперёд, педдали опускались сами, а из механизма медленно выползло красное полотно.

Возле него стоял высокий мужчина в сером пальто и держал секундомер.

— Семнадцать проходов в минуту, — произнёс он, не оборачиваясь. — Для призрака удивительно соблюдение фабричной нормы.

— Возможно, призраку платят с выработки, — ответила Варвара.

Мужчина повернулся. Ему было около сорока. Спокойное лицо, усталые глаза, на пальцах следы машинного масла.

— Алексей Ратников, Императорское страховое общество. А вы, полагаю, специалист, которого никто не вызывал.

— Варвара Чернецова. Меня вызвали пропавшие.

— Это неудобный вид клиента.

Полотно дёрнулось.

На нём были вытканы женщины в белых фатах. Не портреты в обычном смысле: лица составляли переплетения

красных, серых и молочных нитей. Но Пелагея назвала каждую. Тася. Акулина. Дуня. Марфа. Серафима. Лукерья. Ещё шесть имён.

Двенадцать.

Внизу оставалось пустое место. Челнок ускорился.

Рабочие у дверей попятились. Кто-то прошептал: «Полотняница».

Варвара подошла ближе. От живого полотна исходило сразу множество чувств: сонливость, холод, тоска по дому, резкий запах горького миндаля. Под ними — чужая яростная воля, которая пыталась удержать распадающиеся воспоминания.

— Не трогайте, — сказал Ратников.

— Поздно.

Её пальцы коснулись кромки.

Мир перевернулся. Варвара увидела подземную комнату, чаны с тёмной водой и двенадцать женщин, лежащих вокруг станка. Над ними склонилась фигура, лицо которой было закрыто полотняной маской. Фигура подняла голову и указала прямо на Варвару.

Кто-то схватил её за плечи и оттащил.

Она пришла в себя на полу. Ратников поддерживал её затылок ладонью. На полотне уже появилось тринадцатое лицо.

Лицо Варвары.

Под ним нити сложились в два слова:

«ДО ЯРМАРКИ».

Глава 3. Инженер против нечисти

Ратников отвёл Варвару в контору мастера, усадил на табурет и налил воду из графина.

— Если сейчас вы скажете, что так и было задумано, я обижусь, — заметил он.

— Я не падаю в обморок.

— Разумеется. Вы проводите исследования пола.

Он говорил сухо, без насмешки. Варвара выпила воду и осмотрела его. В кармане пальто лежала складная линейка, на жилете — цепочка от часов, на манжете — красная пыль. Не краситель: кирпич.

— Вы лазили под цехом.

— Осматривал фундамент. Здание перестраивали трижды. На плане есть приводная траншея, которую будто бы засыпали пятнадцать лет назад. Кирпичная пыль свежая.

— Значит, двери могли остаться закрытыми.

— А женщины уйти под полом. Это пока разумнее самодвигающейся ткани.

— Самодвижущуюся ткань вы измеряли секундомером.

— Я измеряю всё, чего не понимаю.

Вошёл исправник Назаров, за ним — худой мастер Савелий Никонов. Мастер тёр ладони, будто мыл их без воды.

— Господин Ратников, владелица требует прекратить балаган, — сказал исправник. — Полотно снять и запечатать.

Рабочих распустить.

— Снимете — потеряете механизм, — ответил Алексей.

— Не механизм, а соблазн для черни.

Варвара показала письмо. Никонов прочёл и побледнел на словах «четвёртый ткацкий».

— Девки выдумали, — сказал он. — Перед ярмаркой всегда дурь. Замуж хотят, а работать — нет.

— Все двенадцать одновременно? — спросил Алексей.

— Сговорились.

— И оставили жалованье за две недели?

Никонов промолчал.

Исправник забрал письмо двумя пальцами.

— Эту Бурову расспросить бы.

— Она среди пропавших, — сказала Варвара.

— Тогда расспросим, когда вернётся.

Полотно решили опечатать. Алексей настоял, чтобы станок остановили не ломая. Когда рабочий потянулся к валу, красная кромка хлестнула его по руке. На коже мгновенно вспух след, похожий на свадебное кольцо.

Никонов перекрестился.

Варвара заметила у ножки станка клочок серой пакли. В нём застрял длинный светлый волос, покрытый чёрным воском.

Она спрятала находку в платок.

— Это улика, — тихо сказал Алексей.

— Поэтому я её и взяла.

— Улики принято показывать человеку, который ведёт расследование.

— Кто его ведёт?

— Прекрасный вопрос. Исправник занят порядком, мастер — репутацией, хозяйка — страховой выплатой. Остаёмся мы.

— Вы не верите в то, что я видела.

— Верю, что вы увидели нечто. Но образ — ещё не объяснение.

Эта фраза задела точнее, чем могла бы. Шесть лет назад Варвара приняла образ за объяснение, и невиновный человек не дожил до пересмотра дела.

Она поднялась.

— Тогда договоримся так. Я не называю чувство фактом. Вы не называете непонятное невозможным.

Алексей протянул руку.

— И не прячем улики.

Варвара отдала ему паклю, оставив волос у себя.

— Постараемся, — сказала она.

Это было не рукопожатие. Пока только перемирие.

Глава 4. Чайная «Тёплый угол»

Постоялый двор при чайной «Тёплый угол» оказался единственным местом в Иванове, где не пахло пряжей. Здесь пахло корицей, мокрыми валенками и капустными пирогами.

Хозяйка, Ксения Громова, выдала Варваре комнату под самой крышей и предупредила:

— После полуночи не отвечайте, если из стены позовут по имени.

— Почему?

— Стены тонкие. Услышите чужую семейную жизнь — потом не отвяжетесь.

В общем зале Пелагея перечислила пропавших. Все работали в одном ряду. Возраст — от девятнадцати до тридцати двух. Невестами были только трое, хотя праздничный слух уже превратил всех в «двенадцать невест».

— Ярмарка к браку отношения почти не имеет, — объяснила Ксения, ставя самовар. — Торгуют тканью, станками и рабочими договорами. Но начальству понравилось название. Город невест звучит лучше, чем город кашляющих ткачих.

Алексей появился позднее с тубусом планов. Он заказал чай без сахара и пирог, на который поглядывал с недоверием.

— Что сделал вам пирог? — спросила Варвара.

— Пока ничего. Тем он и подозрителен.

Они разложили план мануфактуры. Под четвёртым цехом проходила старая траншея, где прежде вращался главный вал. В документах значилось: «засыпана кирпичным боем». Однако её линия точно совпадала с пустой полосой в узоре живого полотна.

Пелагея принесла Тасин платок. На синем ситце были мелкие белые звёзды.

— Она с ним не расставалась. Вчера оставила дома. Сказала, голова от узора болит.

Варвара коснулась платка осторожно. Сначала пришла обычная жизнь: пар от щей, смех во дворе, чьи-то пальцы, заплетающие косу. Затем — чужая рука, прижимающая к губам чашку. Горький миндаль. Сонливость. Под столом тупля Таси ударяет три раза по доске.

И ещё — запах аптечного мыла.

— Их усыпили, — сказала Варвара. — Возможно, в чай добавили лекарство.

— Миндальный запах бывает у некоторых ядов, — ответил Алексей. — Но если всех хотели оставить живыми, доза должна быть точной. Нужен врач.

— При фабрике есть доктор Крестовский, — сказала Пелагея. — Лечит хозяйскую дочь.

Ксения поставила перед ними блюдо с вареньем.

— И ещё запишите Ваську-сторожа. До прошлой недели у него долгов было на полгода жалованья. Сегодня купил жене

новый тулуп.

Алексей отметил имя.

— Откуда вы знаете?

— Я держу чайную. Это как страховое общество, только сведения собираются быстрее и обходятся дороже в печенье.

В этот момент из-под скатерти вытянулась красная нить. Она проползла по плану и легла вдоль приводной траншеи.

Все четверо замолчали.

Нить дошла до маленького квадрата без подписи под крайней и завязалась узлом.

Алексей накрыл её стаканом.

— Чтобы не потерять, — пояснил он.

— Вы начинаете верить? — спросила Варвара.

— Я начинаю ставить стаканы на явления, которые не понимаю.

Глава 5. Запертая смена

На рассвете они вернулись в четвёртый цех. Алексей получил ключ от исправника, Варвара — неодобрительный взгляд, который заменял разрешение.

Опечатанный станок стоял неподвижно. За ночь полотно не выросло, но лица на нём изменились: глаза у Таси теперь были закрыты.

— Время идёт, — сказала Варвара.

Они начали с дверей. Внутренний засов действительно был закрыт, когда его выбили. На железе сохранилась едва заметная борозда.

Алексей осветил её боковым лучом фонаря.

— Засов тянули проволокой через вентиляционное отверстие.

— Снаружи?

— Нет. Снизу.

Под стеной шёл узкий канал для ременной передачи. Решётку недавно снимали: два винта были старые, два — новые. За ней обнаружилась полость, уходившая к полу.

Варвара осматривала рабочие места. У двенадцати станков валялись одинаковые бумажные обёртки от леденцов.

— Их раздавали вечером, — сказал появившийся Никонов. — От кашля.

— Кто?

— Докторский помощник.

— Имя?

— Фёдор. Фамилии не знаю.

Алексей развернул обёртку и понюхал.

— Миндаль.

Никонов попятился.

— Я ничего не знал.

— А о траншее? — спросила Варвара.

— Засыпана она.

— Тогда почему новые винты?

Мастер сорвался на крик. Работницы распустились, страховщики хотят разорить фабрику, приезжая колдунья пугает людей. Чем громче он говорил, тем сильнее смотрел на последний станок.

Полотно вдруг дрогнуло. Один из вытканых женских ртов открылся.

Никонов выбежал.

Алексей опустился возле его стола. Под нижним ящиком обнаружилась связка ключей и маленький флакон без этикетки. Варвара коснулась стекла через перчатку.

Усталость. Чужая ладонь отсчитывает капли. Страх перед женщиной с серебряной тростью.

— Он участвовал, — сказала она. — Но боялся не доктора.

На полу под станком Алексей нашёл прямоугольный шов. Болты по периметру были замазаны хлопковой пылью.

Они открутили два. Под плитой пахло сыростью и железом.

Из темноты донёсся тихий стук: три удара, пауза, ещё три.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.